

Чарская Лидия Алексеевна

Проданный талант

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Л55

Л55 **Лидия Алексеевна Ч.**
Проданный талант / Чарская Лидия Алексеевна – М.: Книга по Требованию, 2024. – 79 с.
ISBN 978-5-521-29807-5

ISBN 978-5-521-29807-5

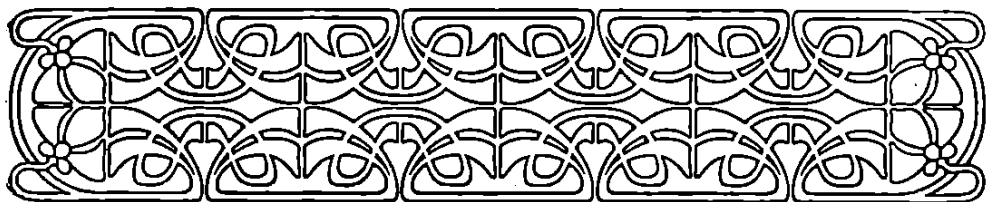
© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРОДАННЫЙ ТАЛАНТЪ

I.

И ТАКЪ, рѣшено: ты ѣдешь?
— Рѣшено окончательно. Ъду. Прощай.
Ратманинъ поднялъ на товарища свои красивые черные глаза. Въ нихъ отразилась вся стойкая, непоколебимая натура юноши. Онъ помолчалъ немного, потомъ сказалъ:

— Ты долженъ мнѣ дать слово, Студневъ, навѣщать ее часто, часто... и сообщать мнѣ все, что ей надо... Умоляю тебя объ этомъ ради всего дорогого. Она вѣдь мнѣ не напишетъ, если будетъ въ чемъ-либо нуждаться, ты ее не знаешь, да, Студневъ, ты не знаешь моей матери или, по крайней мѣрѣ, мало ее знаешь. Это, это...

— Святая, — произнесъ бѣлокурый, плотный, некрасивый юноша, Сергѣй Студневъ, представляв-

шій изъ себя полную противоположность высокому, тонкому, изящному Ратманину.

— Святая и ангель!..—подтвердилъ послѣдній и хотѣлъ прибавить еще что-то, но стукъ въ дверь и нѣжный голосокъ за нею заставили его разомъ замолчать и насторожиться.

— Вотъ и я. Къ вамъ можно?—произнесъ голосокъ, мелодичный и звонкій, и Анна Викторовна Ратманина появилась на порогѣ.

Это была худая, блѣдная, молодая еще женщина, съ изнуреннымъ, но необычайно красивымъ лицомъ, большими, впалыми, черными глазами. Несмотря на болѣе чѣмъ скромный, даже бѣдный костюмъ, который она носила, несмотря на поношенное платье, небрежную прическу, показывавшую, что Анна Викторовна мало обращаетъ вниманія на свою внѣшность—это была въ полномъ смыслѣ слова красавица. При видѣ ея тщедушной фигурки трудно было сказать, что она мать такого взрослого, семнадцатилѣтняго юноши, какъ Алексѣй Ратманинъ.

Вообще, ея сынъ мало походилъ на нее. Только одни ея глаза, мечтательные, грустные и глубокие, какъ море, были совершенно такіе же, какъ у ея Алексѣя.

— Ну, вотъ и я,—произнесла она, протягивая руки обоимъ юношамъ сразу и награждая сына

однимъ изъ тѣхъ взглядовъ, который можетъ дарить только безумно любящая своего ребенка мать.—До поѣзда осталось часъ. Я пришла посидѣть въ «нашемъ уголкѣ», Алеша.—И она любовно окинула крошечную, обставленную болѣе чѣмъ скромно, комнатку сына.

— Вотъ и отлично! А я вамъ мѣшать не буду. Прощай, Алексѣй! Дай Богъ тебѣ удачи и счастья въ столицѣ. До свиданья! Возвращайся скорѣе съ громкою славою и полнымъ карманомъ денегъ,—говорилъ Студневъ шутливымъ тономъ.

Товарищи обнялись.

— Помни-же! Ты обѣщалъ мнѣ позаботиться о мамѣ!—успѣлъ шепнуть другу Ратманинъ.

— Да ужь ладно, ладно. Буду помнить. Ты только самъ то не забывай насъ,—пиши почаще.

И сильно потряхнувъ руку товарища, Студневъ вышелъ.

— На вокзалѣ увидимся!—успѣлъ крикнуть онъ съ порога.

Едва только его плотная, коренастая фигура исчезла за дверью, какъ Анна Викторовна нѣжно и сильно обхватила кудрявую голову Алеши, прижала его къ груди и прошептала съ внезапно заставшими глаза слезами:

— Милый мой! Сокровище мое! Мальчикъ мой

единственный! Хорошо-ли я дѣлаю, что отпускаю тебя? Алеша мой! Что ты будешь тамъ дѣлать одинъ безъ меня. Какъ ты устроишься? Вѣдь ты привыкъ къ моей заботѣ и ласкѣ! Я съ ума схожу, Алеша, когда подумаю о томъ, какъ ты будешь одинокъ въ чужомъ большомъ городѣ.

Она хотѣла добавить еще что-то, но не выдержала и заплакала, опустившись на близъ стоявшій стулъ. Ратманинъ обхватилъ ея талію руками, положилъ ей на колѣни свою красивую, темнокудрую голову и заговорилъ взволнованнымъ, потрясеннымъ голосомъ:

— Мама, золото мое... родная мама... не плачь! Эти слезы... онѣ сводятъ меня съ ума, мама! Дорогая моя, пойми. Вѣдь тамъ, въ столицѣ, ждетъ твоего сына слава, ждетъ успѣхъ... А главное, занявшись серьезно искусствомъ, я надѣюсь, что въ состояніи буду дать и тебѣ вздохнуть свободно. Вѣдь ты слѣпишь глаза за этимъ ужаснымъ вышиваньемъ гладью. Помнишь, что сказалъ докторъ? При такомъ трудѣ тебѣ не хватитъ твоихъ глазъ на два года... Это ужасно, мама! И я, сильный, здоровый и не бездарный юноша, буду сложа руки сидѣть здѣсь и смотрѣть, какъ ты теряешь глаза, чтобы прокормить меня!.. Нѣтъ! Нѣтъ!... Когда мнѣ раньше совѣтовали ѣхать въ столицу

и говорили, что только тамъ я могу сдѣлать карьеру—я не хотѣлъ ѣхать, не хотѣлъ разстаться съ тобою... Но слова доктора окончательно убѣдили меня, что я долженъ, что я обязанъ ѣхать... Вѣдь всѣ утверждаютъ, будто у меня дѣйствительно талантъ и что мнѣ остается лишь доучиться, чтобы стать настоящимъ художникомъ. Не оставаться же мнѣ здѣсь! Въ нашемъ городишкѣ негдѣ учиться художнику, негдѣ сбывать картины... А тамъ, ты пойми, я поступлю въ академію... Тамъ, мамочка, я буду учиться, учиться и работать. И я надѣюсь, что мнѣ удастся найти работу, которая доставитъ мнѣ возможность обезпечить и тебя, мама... Ахъ, мама, я вѣрю въ мой талантъ, и вѣрю въ мою счастливую звѣзду... Столица доставитъ мнѣ и славу, и деньги. Я въ этомъ убѣжденъ... Но, главное, столица дастъ мнѣ возможность помогать тебѣ... Я ежемѣсячно стану высылать тебѣ мой заработокъ... Милая ты моя мамочка!

И онъ съ нѣжностью перецѣловалъ одинъ за другимъ тоненькіе пальчики матери.

Анна Викторовна перестала плакать. Она сидѣла задумчивая, притихшая и любовалась своимъ большимъ, умнымъ, добрымъ и талантливымъ мальчикомъ.

Весь городъ знаетъ, какъ онъ талантливъ, ея

Алеша; весь городъ знаетъ, какъ онъ всѣми силами старается облегчить тяжелую долю матери-труженицы. Но въ маленькомъ Вольскѣ негдѣ развиться таланту юноши, негдѣ найти сбытъ работамъ, за которыми немногіе жившіе тамъ знатоки признаютъ уже давно выдающіяся достоинства. Давно уже Аннѣ Викторовнѣ говорятъ, что ея Алешѣ нужно ѣхать куда-нибудь въ большой городъ или въ столицу, гдѣ изъ ея сына могъ бы выйти выдающійся художникъ, но она и слышать не хотѣла о томъ, чтобы разстаться съ своимъ ненагляднымъ, единственнымъ сынишкою. Но теперь самъ Алексѣй выразилъ твердое намѣреніе ѣхать въ столицу—и она не будетъ противиться ему. Пусть ѣдетъ—разъ иначе нельзя. Она не будетъ горевать больше... Ей нельзя удерживать его, мѣшать ему... Кто знаетъ? Можетъ быть, столица, этотъ чуждый, невѣдомый имъ обоимъ, страшный городъ, дастъ славу и деньги ея Алексѣю.

И она быстро осушила послѣднія, дрожація на ея рѣсницахъ, слезинки и, прижавъ къ себѣ еще разъ голову своего Алеши, прошептала:

— Съ Богомъ, мой мальчикъ... А я здѣсь буду молиться за тебя...

II.

Какъ во снѣ ѣхалъ Алексѣй Ратманинъ по шумнымъ и суетливымъ пестербургскимъ улицамъ. И не только сейчасъ, а все это время переѣзда отъ Вольска до Петербурга казалось ему однимъ сплошнымъ тяжелымъ кошмаромъ. Прощанье съ матерью, съ любимымъ учителемъ—художникомъ Волинымъ и другомъ Сергѣемъ, слезы его мамочки, ея послѣднія напутствія и благословенія, долгій, какъ вѣчность, путь, пріѣздъ и эта совсѣмъ чужая ему суতোлка на чужихъ улицахъ въ чужомъ городѣ—совершенно закружили и разбили его, ничего подобнаго не встрѣчавшаго въ своей глухой провинціи. Полуживой отъ усталости, онъ таскался уже около часа по городу, стараясь найти себѣ дешевенькую комнату со столомъ, но всюду, куда ни подвозилъ его Ванька, нанятый имъ у вокзала, куда-бы ни заходилъ Алеша, все не подходило ему. То цѣны за комнату пугали его, то ему показывали такую темную конуру, гдѣ ни въ какомъ случаѣ нельзя было заниматься живописью.

Но вотъ извозчикъ, проѣхавъ цѣлый рядъ разныхъ улицъ, остановился въ какомъ-то узкомъ

переулкѣ, передъ деревяннымъ небольшимъ и невзрачнымъ домомъ, у воротъ котораго на стѣнѣ висѣло нѣсколько зеленыхъ билетиковъ о сдачѣ комнатъ.

— Посмотрите, баринъ,—сказалъ извозчикъ,—здѣсь, кажись, фатерки дешевыя... Давеча студента возилъ, тотъ тоже здѣсь комнату снялъ...

Алексѣй выскочилъ изъ саней и, оставивъ свой чемоданчикъ, ящикъ съ красками и кистями, мольбертъ и весь свой скромный багажъ на попеченіе извозчика, бросился въ ворота и въ слѣдующую же минуту звонилъ у дверей первой квартиры.

Заскрипѣли легкіе шаги за дверью.

— Кто тамъ?—послышался женскій голосъ.

«Господи! совсѣмъ точно маминъ голосъ», — мелькнуло въ головѣ Алеши и даже духъ захватило у него въ груди.

Дверь распахнулась и хорошенькая, молодая дѣвушка появилась на порогѣ.

— Здѣсь отдается комната?—спросилъ Ратманинъ.

— Пожалуйста, здѣсь, я покажу вамъ,—и ласково кивнувъ бѣлокурой головкой, дѣвушка пошла впередъ.

Алексѣй послѣдовалъ за нею. Комнатка, въ

которую она привела его, была небольшая, но очень уютная и вся залитая солнцемъ.

— Ну-съ, какъ вамъ нравится эта комната?—спросила дѣвушка.

— Комната очень хорошая,—отвѣтилъ Ратманинъ.—Мнѣ бы она вполне подошла, только если цѣна...

— О, не беспокойтесь! мы не дорого возьмемъ, такъ какъ эта комната уже третій мѣсяцъ стоитъ пустая,—сказала дѣвушка.—Жаль, дяди нѣтъ, но я вамъ прямо скажу: раньше мы брали за нее пятнадцать рублей въ мѣсяцъ, а теперь отдадимъ за десять... Обѣды тоже можете у насъ имѣть. По тридцати копѣекъ за обѣдъ не дорого будетъ для васъ? Самоваръ когда хотите, хоть четыре самовара въ день пейте... И прислугѣ ничего платить вамъ не придется, потому что у насъ прислуги нѣтъ, а убирать комнату буду я, да и готовлю я...

«Какая она славная, а главное на маму голосомъ похожа»,—подумалъ Ратманинъ и тутъ же добавилъ вслухъ:—Мнѣ эта комнатка страшно нравится, рисовать здѣсь удобно.

— А вы художникъ?—такъ и встрепелась дѣвушка.

— Начинающій,—скромно отвѣчалъ Алеша.

— Вотъ хорошо-то!—еще болѣе оживилась она и даже запрыгала на мѣстѣ, какъ маленькая дѣвочка,—и дядя художникъ тоже.

— Да—ну?

— Да, да! О, онъ картины на заказъ пишетъ и портреты... И вы тоже будете писать на заказъ?

— Надѣюсь, и я тоже!—засмѣялся Алеша и заявилъ, что онъ снимаетъ комнату.

— Когда-же вы думаете переѣхать?—спросила дѣвушка.

— Да сейчасъ. Вѣдь у меня всѣ вещи съ собою.

— Ну, вотъ и отлично. Я сейчасъ пошлю дворника за вашими вещами. Вѣдь навѣрное вещей у васъ не такъ много, одинъ дворникъ унесетъ?—и она такъ хорошо и добродушно разсмѣялась, что и самъ Алеша не могъ не засмѣяться слѣдомъ за своей новой хозяйкой.

— Да, вы угадали, вещей у меня не много,—произнесъ онъ шутливымъ тономъ и потомъ прибавилъ:—а васъ какъ зовутъ? Позвольте узнать.

— Анной Дмитріевной! А вы меня можете называть просто Нюрой, а то—что тамъ «Анна Дмитріевна». Смѣшно.

— Ахъ, какъ хорошо, что вы Анна!—произнесъ Алеша.